



## СОЧЕТАЯ ПРЕКРАСНОЕ И ВЕЧНОЕ

---

ПОЭТ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.  
О ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА



Мир поэзии Николая Рубцова просторен и светел, холодноват и чуть призрачен – такими бывают обыкновенно дни «бабьего лета»....Висит паутина, посеребренная солнцем, и расходятся от нее невидимые струйки воздуха, создавая впечатление зыбкости окружающего, даже сказочности. Воздух прозрачен, и чистота его открывает безграничность далей. И тишина... Обязательно тишина, ничем не нарушаемая, исполненная грустного и высокого значения.

Необычен этот мир, созданный поэтом Николаем Рубцовым. Необычен и прост – так бывает проста и необычна истина, открывающаяся нам неожиданно.

Они грустны, стихи Николая Рубцова, но грусть легка и серьезна. В них господствует не тоска с ее томительной удушливостью, а чувство, что приходит в минуты раздумий о большом, о главном, когда все мелкое, суетное отступает, исчезает, и остаются один на один – человек и мир.

### I

Когда мы говорим о творчестве Николая Рубцова, сразу поражает одно обстоятельство: он не был в обычном смысле начинающим поэтом. Каких-то пять-шесть лет светилась звезда его поэзии – от первого печатного отзыва до большого общественного признания. Но уже стихи, появившиеся в 1964 году, сразу заявили и своеобычность поэтического облика, и профессиональность мастерства. Тогда же в основном определились тематика и излюбленные при-

вязанности поэта, его мотивы и образы. Отношение к классической традиции и понимание поэзии как вечного служения тоже сложились уже в пору дебюта.

Стихи на темы истории русской культуры – «Левитану», «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева» – свидетельствуют не о случайности выбора, а о глубине интереса, из которого в творчестве Рубцова определилась самая жизненная традиция.

С первых самостоятельных шагов в поэзии Николай Рубцов проявил такую широту творческого кругозора, которая позволила ему оценить не только Ф. Тютчева или А. Фета, А. Блока и И. Бунина, но и С. Есенина, Д. Кедрина, А. Яшина. Он учился у многих, но ничьих следов непосредственного влияния в поэзии Рубцова мы, пожалуй, не обнаружим. Влияния, источники поэзии, по мнению Гёте, роли особенной не играют: «Суть в том, чтобы иметь душу, которая любит истину и воспринимает ее там, где находит». Так ведь и складывается живая традиция – не во внешнем подражании, а во внутреннем родстве, за счет каких-то духовных связей.

Уловить традицию помогло Николаю Рубцову глубокое изначальное чувство родины, а уже потом закрепили ее и родственность лирического мироощущения, и определенные переключки в отношении к действительности, к современности. Но чувство родины – исходное, и зазвучало оно уже в своеобразии русского пейзажа, в котором Н. Рубцов нашел возможность выразиться глубоко и сильно, решая самые несхожие темы.

Вот одно стихотворение – «Ночь на родине». В нем зрительный и музыкальный ряды сливаются воедино с рядом душевных движений, в целом образуя богатую лирическую тему – тему единства с родиной.

Высокий дуб. Глубокая вода.  
Спокойные кругом ложатся тени.

Общий набросок картины уже есть – без уточнений, без лирической окраски, и рождается мелодия – тихая, ровная, задумчивая. «И тихо так...» – поэт развивает мотив тишины, в котором чуть-чуть пробивается мажорная струйка светлой радости, идущей от миротворящей настроенности пейзажа. А пейзаж постепенно детализируется. Где-то в легком тумане прорисовались крыши деревенских изб, которые «не слыхивали грома», – и глубокое ночное небо раздвинулось, и поле зрения тоже: «не встрепенутся ивы у пруда, и на дворе не зашуршит солома...».

Картина завершена, но в ней еще мало жизни. И вот он, последний штрих, звуковой: «И редок сонный коростеля крик...». Становится ясным, что все видится поэту не безжизненным, а умиротворенным. На этом фоне определеннее ощущается душевное состояние поэта, он прощается с пережитым: «Вернулся я – былое не вернется!».

Как ни грустно, но ведь это естественно, и все-таки трудно примириться поэту с необратимостью времени. Врачующе действует этот миг, «когда души не трогает беда и тихо... как будто никогда уже не будет в жизни потрясений...» В этом миге едины поэт и мир. Рубцов дальше, нераздельнее скрепляет эти слова до полного слияния, как бы последним аккордом сводя воедино развивающиеся параллельно до сих пор ряды:

И всей душой, которую не жаль  
Всю потопить в таинственном и милом,  
Овладевает светлая печаль,  
Как лунный свет овладевает миром.

Она во всем, любовь поэта к родине, но, заметим, никогда не декларируется.

Поэт избегает попыток рационалистически истолковать свое чувство родины. Нет, это вовсе не умопостигаемое чувство, а какая-то потаенная, необъяснимая связь.

Чудный месяц горит над рекою,  
Над местами отроческих лет.  
И на родине, полной покоя,  
Широко разгорается свет...  
Этот месяц горит не случайно  
На дремотной своей высоте,  
Есть какая-то жгучая тайна  
В этой русской ночной красоте!  
Словно слышится пение хора,  
Словно скачут на тройках гонцы,  
И в глуши задремавшего бора  
Все звенят и звенят бубенцы...

(«Тайна»)

Призрачная таинственность картины, когда собственно и картины-то нет, а есть сердечный трепет плененного красотой родины поэта, напомнит нам романтическую эстетику А. Фета. Соответственно ей, «именно те душевные состояния особенно близки поэзии, которые наиболее далеки от рассудочной стороны человеческой души» (В. Бухштаб. «Русские поэты»). С отчетливостью открываются связи Рубцова с Ф. Тютчевым и Я. Полонским. Скажем, например, как Полонский, так и Рубцов избегают, кажется, яркого солнца, оба питают пристрастие к полутеням. Обоим введомы тоска одиночества и печаль созерцания бескрайности родного пространства, которая так удивительно схвачена в «Дороге» Я. Полонского:

Глухая степь – дорога далека.  
Вокруг меня волнует ветер поле,  
Вдали туман – мне грустно поневоле,  
И тайная берет меня тоска...

Картины лета, весны и зимы рисует порою Николай Рубцов, и знойный день иногда увлечет его внимание. Однако осень с дождями и ветром, увядание – ближе душе поэта, задевает самые сокровенные струны в ней. Краски он использует сдержанные, нередко позволяя себе писать стихи, так сказать «в черно-белом исполнении» (как пример, «лошадь белая в поле темном вскинет голову и заржет»). Интонация в его лирике преобладает грустная, в бесконечном разнообразии вариаций: «Всего прочнее на земле – печаль...» – мог бы повторить Рубцов вслед за Анной Ахматовой. Однако Н. Рубцов вовсе не пессимист по натуре, хотя оптимистической его поэзию я не рискнул бы назвать, – просто эти слова, в силу своей полярности, плосковаты и не могут отразить многообразия возможных типов мироощущения.

Вот, кажется, посетила поэта печаль: «По родному захолустью в тощих северных лесах не бродил я прежде с грустью, со слезами на глазах...». Прежде... Захолустье это – до боли дорого, и поэт словно предупреждает – по поговорке: что имеем – не храним, потерявши – плачем. И в том, что дорого, убеждают неяркие краски, сдержанные слова: небеса – «холодные», «дремотные», голоса «приглушенные», леса «тощие» и места «невеселые». Только здесь поэт может бродить, «наслаждаясь ветром резким», тревожась таинственной неизвестностью будущего: «что же, что же впереди?».

В свой черед приходит, однако, и чувство радости: «Выпал снег – и все забылось, чем душа была полна!» Не только городок «красотою древнерусской обновился», но и сам поэт, сердце которого «проще вдруг забилось». Ему любо видеть вечность жизни в том, как «снег летит на храм Софии, на детей, а их не счесть...». В смене впечатлений стяхнул поэт тяжесть дум, надо полагать, не очень веселых, и находит желанное умиротворение: «Снег летит – гляди и слушай! Так вот, просто и хитро, жизнь порой врачует душу... Ну и ладно! И добро».

Мил Николаю Рубцову образ бескрайнего российского простора с пустынною наших лесов, болот и полей. Романтической таинственностью полон этот образ, в котором грезится что-то сказочное, призрачное. Впечатление создается не пластически, а намеком, музыкой, настроением. Поэт идет обычно от немногих реальных примет пейзажа: вот, скажем, ветер, замерзающая вода, пустой сенной сарай под елкой на высоком берегу – не только ширь, но и глубина картины схвачена, и открыт простор воображению («Ночь на перевозе»):

От безлюдья и мрака хвойных  
Побережий, полей, болот  
Мне мерещится в темных волнах  
Затонувший какой-то флот.  
И один во всем околотке  
Выйдет бакенщик-великан  
И во мгле промелькнет на лодке,  
Как последний из могикан...

Излюбленные образы Н. Рубцова зыбки, как видения, хрупки, как все прекрасное. Нет, проза жизни не пугает поэта, но беззащитность красоты перед ней ему знакома, – философский смысл обретает подтекст в стихотворении «Цветы».

По утрам, умываясь росой,  
Как цвели они, как красовались!  
Но упали они под косой,  
И спросил я: – А как назывались? –  
И мерещилось многие дни  
Что-то тайное в этой развязке:  
Слишком грустно и нежно они  
Назывались – «Анютины глазки».

Горестное чувство утраты и близкое ему сознание недостижимости мечты нередко посещают поэта. Прекрасна привычность родного края, но все равно тревожит неизведанное: ведь «где-то есть прекрасная страна, там чудно все – и горы, и луна, и пальмы...» («Пальмы юга»). Живя радостью встречи с отчей стороной, будучи убежден, «что мир устроен грозно и прекрасно, что легче там, где поле и цветы», поэт тем не менее с болью чувствует:

Но даже здесь... чего-то не хватает...  
Недостает того, что не найти.  
Как не найти погаснувшей звезды,  
Как никогда, бродя цветущей степью,  
Меж белых листьев и на белых стеблях  
Мне не найти зеленые цветы...

Элегическую настроенность, мечтою о недостижимом Н. Рубцов созвучен не только А. Фету или Я. Полонскому, но и Бунину:

Ту звезду, что качалась в темной воде  
Под кривую ракушкой в заглушем саду, –  
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,  
Я теперь в небесах никогда не найду.  
В то селенье, где шли молодые года,  
Где я счастье и радости в юности ждал,  
Я теперь не вернусь никогда, никогда...

Созвучность настроений побуждает Н. Рубцова обращаться к традиционным средствам поэтической выразительности.

Если он меньше увлекается изобразительностью, чем И. Бунин, то музыкальность стиха роднит их вполне, – как принцип. «Для меня главное – это найти звук. Как только я его нашел – все остальное дается само собою», – говаривал Бунин. Звук, напевность, мелодический строй стиха часто оказывается организующим началом в лирике Рубцова. Он мог бы вслед за Фетом вполне

принять его завет: «Что не выскажешь словами – звуком на душу навей». Но в характере музыки Рубцова больше сходства с мелодикой Я. Полонского и С. Есенина – оба они во многом идут от городского романса. «Песня», «Прощальная песня», «Над вечным покоем» и некоторые другие стихи Н. Рубцова идут несомненно от этой традиции.

Думается, песенностью объясняется и пристрастие Рубцова к повторяющимся образам, характерное, впрочем, и для романтизма Тютчева, Фета, Полонского. Таковы образы звезды, мерцающей во мгле, ромашек... Эти образы нередко символичны у Рубцова: завявшие «красные цветы мои» – символ утраченных юношеских надежд, поздние георгины олицетворяют глубокую осень в жизни человека; лодка, догнивающая на речной мели («В горнице», «Я буду скакать...»), осознается как образ необратимо уходящего времени.

Символическое в стихе у Рубцова живет, однако, рядом с реальным и как реальное, тем самым стирая грань поэтически условного. Ведь жизнь не очень считается с условностью романтических грез и надежд, поэтому важно их сохранить. Отсюда, порою, – как самозащита и с тою же целью избежать условного, – звучит своеобразная детская наивность: и в том, как поэт представляет себя, и в том, как он реагирует на действительность («На осенней земле, в этом городе мгlistом я по-прежнему добрый, неплохой человек» или «Закатился закат, закричал паровоз – это он на меня закричал»).

Николая Рубцова словно бы смущает поэтическая условность романтизма, и порою он сам трезво сознает это. Поэт сам слегка подтрунит над собою, предстанет вдруг то ироничным, то наивным. Но не может он не говорить о том, что его больше всего волнует: человек в его историческом бытии и вечная жизнь природы...

«Ищу я в этом мире сочетанья прекрасного и вечного», – заявлял когда-то Иван Бунин. В новых исторических условиях тою же целью живет поэзия Николая Рубцова. Достигая ее, поэт должен был стать публицистом или мечтателем. Знамя публицистики не отвечало складу лирического дарования Рубцова. Романтической мечтой поверя жизнь, он звал современников к совершенству.

Удивительно гармоничен поэтический мир, созданным Николаем Рубцовым, потому что, по его мнению, человек – дитя природы и слит с ней неразрывно. Сам поэт – частица этого мира, и потому во всем, что пишет он, нет ни тени нарочитости, – стихи Рубцова всегда безыскусны в своей простоте. Их настроение и интонация естественны как дыхание, как все, что ни есть в природе, потому что талант природен. Правоммерно рождаются строки Рубцова, в своей глубине родственные тютчевским:

...утром солнышко взойдет –  
Кто может средство отыскать,  
Чтоб задержать его восход,  
Остановить его закат?..  
Вот так поэзия: она  
Звенит – ее не остановишь!  
А замолчит – напрасно стонешь!  
Она незрима и вольна...  
Прославит нас или унизит,  
Но все равно возьмет свое,  
И не она от нас зависит,  
А мы зависим от нее.

«Не мы выбираем поэзию как профессию, а поэзия выбирает нас из тысяч и тысяч и отмечает своим перстом», – писал однажды Александр Яшин. До удивительного совпадают по мысли стихи Рубцова и слова Яшина, наверное, потому, что за ними – правда. Поставив всю жизнь свою на службу таланту, дарованному ему природой, Н. Рубцов добивался редкого – выявления сложного в простом и простого в сложном, на что способны только очень талантливые люди. Простота подлинного и естественность даются нелегко, а достигаются на пути преданного до конца служения – не форме, моде или успеху! – но самой поэзии.

Жить сложнейшими переживаниями, остро чувствовать трагическое в жизни и переплавлять в душе своей в гармонически пленительные строки стихов – таков был удел поэта Николая Рубцова. Сурова судьба – «высекать огонь из слова», но – это знал Николай Рубцов – творческий порыв есть великое счастье:

...труд ума,  
Бессонницей больного, –  
Всего лишь дань  
За радость неземную:  
В своей руке  
Сверкающее слово  
Вдруг ощутить  
Как молнию ручную!

## II

С первых появившихся в печати стихов Николая Рубцова заметно двойственное отношение его к дню бегущему: с одной стороны – внимание и несомненный интерес, с другой – какая-то крайняя сдержанность, когда дело касается освоения современности в стихе. Чувствовалось: поэт знает живые будни и умеет их выразить в стихе, но избегает пересказа. Хотя его и радуют

перемены в жизни, он их только отмечает («теперь в полях везде машины и не видать худых кобыл...»). Ему весело «общественный вопрос решать с утра в толпящемся народе», но он не станет (скажем, вслед за С. Викуловым) описывать, как это происходит. Он ищет какие-то общие приметы, отражающие не событие, но явление:

Идут, идут  
Обозы в город  
По всем дорогам без конца, –  
Не слышно праздных  
Разговоров,  
Не видно праздного лица...

Или:

И слышен смех  
В тени под ветками,  
И песни русские слышны,  
Все чаще новые, советские,  
Все реже – грустной старины...

Уже эти, из ранних, стихи Николая Рубцова показывали, что он умел отличать временное, преходящее от значительности настоящего, подлинного, но лишь постепенно, с освоением классической традиции, поэт нашел и свою проблематику, и свою точку зрения на явления современности.

Произошло это тогда, когда для Рубцова вполне сложился «образ прекрасного мира», начало которому поэт обретает в природе, – в поэтическом мире, открытом еще Пушкиным и Кольцовым, находит он свои черты. Это не есть «опрокидывание» в прошлое: человек и природа остались и надолго должны остаться для поэзии, сохраняя свою актуальность. Но время, волею человека – хотя и иногда вопреки ему, – берет свое... Вот тут и родилась тревога, определенная грусть в интонации многих стихов Н. Рубцова: дорогой ему образ «сжимается», оттесняется веком. Судьба поэзии серьезно беспокоит поэта:

Теперь она, как в дымке, островами  
Глядит на нас, покорная судьбе, –  
Мелькнет порой лугами, ветряками –  
И вновь закрыта дымными веками...  
Но тем сильней влечет она к себе!

Поэт тревожится, «чтоб этот вид безвестный хотя б вокзальный дым не заволок!». Тревожится, сознавая бесполезность своего ропота, но и не желая смиряться с суровой неизбежностью. При этом видит и знает, что время захватило в свою орбиту всех и каждого:



Железный путь зовет меня гудками,  
И я бегу... Но мне не по себе,  
Когда она за дымными веками  
Избой в снегах, лугами, ветряками  
Мелькнет порой, покорная судьбе...

Уйти от века нельзя, бесполезно противиться движению времени. Это поэт сознает («и я бегу...»), но почему же ему «не по себе»? Потому что утрата поэтического равносильна растрате души... Такова программа Н. Рубцова, заявленная в стихотворении «Поэзия». Программа, которую он и реализует в своих стихах, обращаясь к природе, благословляя покой, тишину и раздумчивость, тревожа тончайшие струны человеческой души.

Не единственным пришел Николай Рубцов к подобной тенденции современности. Но только он один почувствовал здесь сквозную для его творчества тему, чреватую напряженным драматизмом и острой противоречивостью.

Развитие, только спокойное и неторопливое, – как в природе, – Н. Рубцов принимает. Но он же знает, что человек живет в движущемся мире, что современность и успокоение для большинства живущих, понятия несовместимые. Поэтическая концепция «человека в современном мире» реализована Н. Рубцовым в стихотворении «Поезд».

Легко почувствовать, что особой приязни поезд, который мчится «с грохотом и воем», «с лязганьем и свистом», любителю тишины Николаю Рубцову не внушает. Скорее вызывает недоверие, как все чуждое и непонятное, – и несется поезд «с полным напряжением мощных сил, уму непостижимых». Даже опасенья вызывает, мчись навстречу огням «перед самым, может быть, крушеньем». Мгла, желтый рой огней и грохот поезда «в дебрях мироздания», скорость, которая не дает разглядеть явления... Картина складывается впечатляющая. Движение подхватывает все, вот уже и поэт вовлечен в общий поток. Поезд

...глазом огненным сверкая,  
Вылетает... Дай дорогу, пеший!  
На разъезде где-то, у сарая,  
Подхватил меня, понес меня, как леший!  
Вместе с ним и я в просторе мгlistом  
Уж не смею мыслить о покое...

«Подхватил меня, понес меня, как леший» – здесь неизбежность, почти мистическая. Человек находится в плену у времени, которое втягивает человека на пути свои, не спрашивая у него желаний.

Подхвачен движением человек, «загадка мироздания», – но не как песчинка: осталась способность мыслить. Грохот и лязг не утихли, и не исчезло беспокойство о возможности крушения. Но

человек не один в этом движении, и это по-новому направляет раздумье. Резко обрывает поэт свои сомнения:

Но довольно! Быстрое движенье  
 Все смелее в мире год от году;  
 И какое может быть крушение,  
 Если столько в поезде народу?

Поэт не снимает своих оценок, но и не отрицает закономерности современного мира. В стихотворении нашла место уверенность в том, что цивилизация не подомнет человека, проявилась вера в людей: множество, человечество не захочет пойти навстречу своей гибели.

Движение, стремительность века приняты и не приняты: как тенденция – да, как характер – нет. Поэт «приводит в гармонию слова и звуки, потому что он – сын гармонии», писал А. Блок, определяя гармонию как «согласие мировых сил, порядок мировой жизни». В «Поезде» Н. Рубцов и пытается в ужасе перед дисгармонией найти гармоничность, которая должна же быть и в современном мире. В ощущении сложности бытия сближается Н. Рубцов с Ф. Тютчевым. Удивляясь и даже пугаясь «странности мира», Николай Рубцов хочет и понять его. Очевидно, что жизнь второпях – «посреди явлений без названья» – для поэта вовсе не жизнь.

Оставаясь в родной тиши, одолеваемый грустным настроением, другу поэт желает: «чтоб гудели твои пароходы, чтоб свистели твои поезда». Он знает – это жизнь, без движения нет ее, а в движении она приоткрывается в чем-то самом сокровенном. Вот шофер подхватил поэта ночью на дороге:

За мною захлопнулась дверца,  
 И было всю ночь напролет  
 Так жутко и радостно сердцу,  
 Что все мы газуем вперед.

Что все мы, почти под кюветом,  
 Несемся все дальше стрелой,  
 И есть соответствие в этом  
 С характером жизни самой...

Что это, восторг, торжество? Стоит обратить внимание на начальные строки: «Какая жестокая трасса! Какая суровая быль!...». Не слишком ли высоки? Не риторичны ли? Нет, в переключке с последней строкой все стихотворение обретает особый смысл. Характер жизни – «стрелой... почти над кюветом» – открывается в дороге. Дорога открывает и народную жизнь.

В самой малой малости можно порою видеть то, чем щедро дарует человека родина. Но, кажется, новое поколение уже и не видит, не хочет видеть прекрасного вокруг себя. В элегической грусти стихотворения «Купавы» надорванной струной звучит и это.

«Бегут себе, играя и дразня, я им кричу: – Куда же вы? Куда вы? Взгляните ж вы, какие здесь купавы!» – взывает поэт и в безнадежности отступает: «Но разве кто послушает меня»... А вот находит поэт уголок, где царят покой и тишина («В старом парке»), но умиротворения нет – есть тревожная картина запустения. Нет, не барина – владельца парка, доживающего свой век на чужбине в тоске по родине, пожалел поэт. Грустно, что «ничей приход не оживит картины», что никому не нужна эта красота.

Подует ветер!  
Сосен темный ряд  
Вдруг зашумит,  
Застонет, занеможет,  
И этот шум  
Волнует и тревожит,  
И не понять,  
О чем они шумят.

Как же можно не сберечь ценности, крайне необходимые для воспитания души? Прямо таким вопросом поэт не задается, но уйти от него – нельзя.

Николай Рубцов – по натуре не домосед, напротив. Бывший матрос, «сын морских факторий», он знал море и «памятью полн о той бесподобной работе на гребнях чудовищных волн». Валерий Деметьев справедливо отмечает, что «в своем зрелом творчестве он как бы подразумевал те невзгоды, причалы, штормовые ветры, которые остались позади, в бедовой юности. Он оставлял их «за кадром»... Но помнить об этих невзгодах и странствиях необходимо, ибо в противном случае может быть неверно понята эмоционально-нравственная атмосфера рубцовской лирики». В зрелости привлекательно для Рубцова не преодоление необозримых пространств, а странствование. Еще в стихотворении «Подорожники» появляется пеший человек на лесной дороге, открывающий бесконечность родного края:

Приуныли нынче подорожники,  
Потому что, плача и смеясь,  
Все прошли бродяги и острожники –  
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики,  
Для людей мечтают позвенеть,  
Но цветов певучие бутончики  
Разве что послушает медведь....

Прекрасная бесконечность родного мира, почти остановленного человеком... Да за что же он, человек, себя опустошает?! Не по-

жалеть бы потом... И шагает поэт, обретая вновь утраченные было ценности, которые лежат вот тут, рядом, – и для всех.

### III

Человек радуется и грустит, страдает и любит, всегда живет бесконечным разнообразием мыслей, чувств, побуждений. Но время накладывает свой отпечаток и на психологический склад личности. Чувства как бы дробятся в неуправляемом мельтешении жизни, мельчают. Страсть, овладевающая всем существом человека, всеми его помыслами, становится редкостью, – но только в ней полно и глубоко может проявиться человеческая сущность. Чувства молчаливые, но глубокие уважает Николай Рубцов в человеке и умеет угадать самое сокровенное в переживаниях.

Осень для Н. Рубцова – особо грустная пора, и «когда в окно осенний ветер свищет и вносит в жизнь смятение и тоску» («Вечерние стихи»), поэт идет к людям. Уют и спокойствие ресторанчика на реке его пленяют: здесь приходит умиротворение, хорошо думается о большом и вечном – «о сложном смысле жизни на земле», а в разговорах с друзьями оживают Пушкин и Вийон, Есенин и Лермонтов. Полночные страхи отступают, и поэт искренне может сказать: «Я не боюсь осенних помрачений! Я полюбил ненастный шум вечерний, огни в реке и Вологду во мгле...». Чувство дружества несет успокоение поэту, и он, даже будучи один, часто вспоминает друзей. Радуясь красоте родного края, он сожалеет: «Мне грустно от того, что знаю эту радость лишь только я один: друзей со мною нет...» («В глуши»). Он знает, что «весь на свете ужас и отравы тебя тотчас открыто окружают, когда увидят вдруг, что ты один» («Осенние этюды»).

Хорошо бродить по родным окрестностям «с хорошим давним другом, который сам не терпит суеты» («Зеленые цветы»), но своего одиночества поэт не променяет на суетность пустых людей. Привлекает Н. Рубцова мудрое спокойствие, сдержанность душевной силы («Последний паром»), неназойливая благожелательность. И очень характерны строки, посвященные памяти поэта Николая Андиферова: «Он нас на земле посетил, как чей-то привет и улыбка». А нравственное кредо Николая Рубцова, определяющее характер отношений с людьми, отчетливее всего выражено в стихотворении «Русский огонек»: «За все добро расплатимся добром. За всю любовь расплатимся любовью...». Здесь не декларация, а норма поведения поэта, который с любовью относится ко всему живому, не только к людям, но и к зверям, птицам. В этих последних случаях Н. Рубцов особенно своеобразен: учась у природы нехитрой мудрости, поэт зовет к добру, но изъясняется не всегда прямо, видимо боясь быть нравоучительным. Так и возникают стихи, напоминающие притчу, «Воробей», например:

Чуть живой. Не чирикает даже.  
 Замерзает совсем воробей.  
 Как заметит подводу с поклажей,  
 Из-под крыши бросается к ней!  
 И дрожит он над зернышком бедным,  
 И летит к чердаку своему.  
 А гляди, не становится вредным  
 От того, что так трудно ему...

Простенькая картина – с натуры зарисована, ничего лишнего, приводящего. Но увидена она человеческим глазом поэта, и в ней – иносказательное размышление о человеческой натуре. И в других случаях находит Н. Рубцов самые обыденные поводы, меньше всего морализуя при этом. Вот, скажем, выпал из гнезда птенец («Ласточка») или напугал человек зайца веселым криком («Про зайца») – что ж из того? А вот детям «что ж из того» в подобном случае не скажешь – не захотят понять.

В стихах Рубцова живет именно какая-то детская непосредственность. «Ласточка! Что ж ты, родная, плохо смотрела за ним?» – концовка, полная наивной укоризны, оставляет удивительное впечатление, может быть, потому, что укоризна неожиданна и упрек потрясающе прост. И заяц вздыхает, что «друзей-то у него после дедушки Мазая не осталось никого...». Просто, но смысл стихов обретает подлинно поэтическое и нравственное значение, более широкое, нежели буквальный смысл.

В этике Николая Рубцова своеобразно отразились нравственные представления трудовой России. Из глубины веков идут привычные нам слова – «добрый человек», «добрый молодец», в своей нерасторжимой слиянности проявляющие непогрешимость моральной нормы.

Нравственный идеал Н. Рубцова – размеренная жизнь в мире труда и повседневных человеческих забот – реализуется так или иначе во всех его вещах, но, может быть, особенно последовательно в таких, как «Жара», «Острова свои обогреваем», «Седьмые сутки дождь не умолкает...», «Тот город зеленый...», «Жар-птица»...

Николай Рубцов не делает тайны из своей поэтической работы, он будто и не знает никаких тайн. Просто все кругом полно для него значения, а он должен только понять, проникнуть в существо жизни своим духовным зрением. Кажется, поэт вовсе и не заботится о стройности и выверенности своих созданий, а пишет – «как бог на душу положит». Вот взгляд поэта остро выделил картину: задремавшее стадо среди семейства берез на холме за рекой, тут же пастух, наблюдающий «игру листопада», который «лениво сидит и болтает ногой», – все это четко, без излишней детализации. Далее картина композиционно уточняется, вписывается «маленький домик в багряном лесу», определяется перспектива – «а дальше, за лесом, большая деревня» и – в беспредельность: «дерев-

ни, деревни вдали на холмах, меж ними село с колокольнею древней»...

Обычный для Н. Рубцова нерасчленный образ Руси, трогательный в своей немногословности. Может быть, вот эта сдержанность и позволяет поэту легко, незаметно перейти от рисунка к раздумью по его поводу. Мысли его неторопливы и неназойливы. «За всех говорить не берусь», – замечает поэт и все-таки убежденно утверждает: «В деревне виднее природа и люди». Более того. «Виднее над полем при звездном салюте, на чем поднималась великая Русь». Чтобы это почувствовать, не нужно домыслов – просто надо видеть мир доброжелательным взглядом, так, как его видит сам Рубцов: «Галопом колхозник погнал лошадей, а мне уж мерещится русская удаль, и манят меня огоньками уюта жилища, мерещится лучших людей».

Поэт – человек много поездивший, многое повидавший и передумавший – и «все же, и все же домой воротился». Об этом говорит Николай Рубцов в нескольких строчках, не связанных, казалось бы, с предыдущими, которые тоже, на первый взгляд, весьма слабо сцеплены. Но есть жесткая художественная логика в стихотворении. Поэт улавливает душевные движения, которые владели им в то время. Не надо полагать, что все подряд, – совершался какой-то отбор во имя основной цели, может быть, смутно захватившей поэта.

Перебирая впечатления, Николай Рубцов приходит к мысли, подсказанной опытом, что нечто главное в жизни – здесь, дома. Но мысль еще неясная, неоформившаяся... А затем стихийно, без перехода возникает разговор со стариком-пастухом: «Старик! А давно ли ты ходишь за стадом?» Воспринимается это никак начало, но как продолжение разговора. Так могут вступать в беседу люди давно знакомые, судя же по вопросу – собеседники не знакомы. Просто это люди одного корня, духовно близкие друг другу и чувствующие эту близость. Потому доверительно говорят они сразу о самом существенном, самом главном: о том, как идут дела, как жить человеку на земле.

– Так что же нам делать? Узнать интересно...

– А ты, – говорит, – полюби и жалея

И помни

хотя бы родную окрестность,

Вот этот десяток холмов и полей...

– Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу...

Теперь понимаешь, что ответ старика и есть то главное, ради чего стихотворение написалось. Становится ясно, что нет здесь ни одной лишней строки и что, к слову, странно было бы, не заговори со стариком поэт, помотавшийся по миру и не обретший смысла бытия в шумной суете торопливого века.

Нравственный, душевный опыт трудового человека более всего интересует Николая Рубцова. Уважение к этому опыту – в любом штрихе. Даже в переходе от обращения «ты» («давно ли ты ходишь за стадом»), сказанного доверительно, запросто, к «вы» («Я рыжи-ков вам принесу»), в котором доверительность сохраняется, но подчеркнута почтением.

Поэт старикову мысль понял глубоко и по существу. В наивной конкретности его реакции – убедительность, а внешняя содержательность вовсе и не нужна. Поэт не суесловит – это чрезвычайно важно. Ведь старик неотделим от мира, так любимого поэтом. Вспомните начало стихотворения и попробуйте представить поэтический рисунок без пастуха – неполнота, незавершенность будут очевидны. Голос старого пастуха – голос этого мира, и он внятен поэту, который сам делится усвоенными нравственными ценностями.

Стихотворение оставляет впечатление светлой прозрачности, умиротворенной тихой радости, оттененной «бывшей печалью». Живет в нем чувство духовной высоты, – в сдержанности и достоинстве, с какими ведется беседа, в искренности интонации и точности поэтического видения. Радует взыскательная скупость изобразительных средств, когда выверено каждое слово. Отмечу хотя бы «игру листопада» – там, где только «семейство берез» и «прекрасная глушь листопада» в «багряном лесу». Настолько меняется картина только из-за одного слова! Поэту все мило, – ведь не случайно и жар-птица не где-нибудь – здесь живет...

Люди дороги Н. Рубцову своим скромным трудолюбием, перед которым ничто не устоит. «Взгляни, – взывает поэт, – с какою-то дьявольской силой все вынесут люди одни!». Летний ли зной, когда звери прячутся и травы никнут, – делают люди дело, а «когда и жара изнеможет, гуляют еще, веселясь!». И непогодь их не загонит по избам. Вот рисует поэт мрачноватую картину разбушевавшейся стихии. Зловещие детали необычайно густо использованы, и, как общий контур, «безжизненная водная равнина, и небо беспроекторное над ней». Все залило вокруг нескончаемым ливнем:

Холмы и рощи стали островами.  
И счастье, что деревни на холмах.  
И мужики, качая головами,  
Перекликались редкими словами.  
Когда на лодках двигались впотьмах,  
И на детей покрикивали строго,  
Спасали скот, спасали каждый дом  
И глухо говорили: – Слава богу!  
Слабеет дождь... вот-вот... еще немного...  
И все пойдет обычным чередом.

Как видим, люди живут строго и деятельно, не теряя надежды. Даже осенью, когда «темнота, забытость, неизвестность у ворот,

как стража на посту», они могут скромно и просто сказать о себе: «Острова свои обогреваем и живем без лишнего добра, но всегда с огнем и с урожаем, с колыбельным пеньем до утра...». Н. Рубцову мила неторопливость и простота бытия с ясною осмысленностью забот, с приветливыми земными поклонами людей друг другу. «Вечно пусть будет все это, что свято я в жизни любил», – заклинает он, тревожась, не останется ли вскоре только воспоминанием «сей образ прекрасного мира»:

Тот город зеленый и тихий  
 Отраднo заброшен и глух.  
 Достоинo, без лишней шумихи,  
 Поет, как в деревне, петух  
 На площади главной... Повозка  
 Порой громыхнет через мост,  
 А там, где овраг и березка,  
 Стопился народ у киоска  
 И тянет из ковшика морс,  
 И мухи летают в крапиве,  
 Блаженствуя в летнем тепле...  
 Ну что там отрадней, счастливей  
 Бывает еще на земле?..

Дело не только в том, что милая привычность такого городка будит трогательные воспоминания о юности. Наблюдая будни народной жизни, всего сильнее Николай Рубцов желает, чтоб «всегда светила нам, не унывая, звезда труда, поэзии, покоя, чтоб и тогда она торжествовала, когда не будет памяти о нас». Право на вечность, таким образом, заявлено со всею напряженностью поэтической страсти, проступающей сквозь спокойную медлительность веских в своей торжественности слов.

#### IV

Заявить права на вечность в чем бы то ни было – еще мало, их надо утверждать и отстаивать. В выполнении своей поэтической миссии Николай Рубцов вполне последователен: то, что идет из глубины веков, привлекает пристальное внимание поэта. Скажем, рисуя Вологду, он выделяет «пейзаж, меняющий обличье». Пейзаж сегодняшнего города точен «документально», в деталях: так, как он открывается с правого берега реки между мостами – Красным и 800-летия Вологды. Современен пейзаж, но не сразу узнается.

Рубцов и тут остался самим собой: он будто остановил мгновение, и облик города явился «во всем таинственном величье своей глубокой старины». Выделился «темный, будто из преданья, квар-



тал дряхлеющих домов», «желтеющие зданья» потерялись «меж зеленеющих садов». Торопливо отмечены «за рекою свалка бревен, подъемный кран, гора песка», «архитектурный чей-то опус среди квартала... Дым густой»... Внимательнее взгляд поэта остановился на женщинах, занятых вековечной, такой же, как и триста лет назад, работой – полосканьем белья с плота.

И перспектива четко завершена:

...обрывает панораму  
Невозмутимый небосклон.  
Кончаясь лишь на этом склоне,  
Видны повсюду тополя,  
И там, светясь, в тумане тонет  
Глава безмолвного кремля...

Не разрушая правды целого, Н. Рубцов оживляет былое. Он рисует пейзаж вечерний – это определило характер картины. Днем уже не почувствуешь «таинственного величия» и не заметишь главы «безмолвного кремля»: кран заворочается, бревна загрохочут, солнце съест туман и таинственность. А Рубцов остался верен себе и смог органично слить прошлое с настоящим. Не отказываясь от стройки, – он знает, что за ней будущее! – поэт тревожится, чтоб стремительное наступление цивилизации не заслонило былого величия: ведь в нем открывается нам история народа. Справедливо пишет Сергей Залыгин, как редко «...удачное сочетание в талантливой личности прошлого с будущим, традиции с новаторством, сочетание, которое и создает для этой личности ее творческое настоящее». Такое сочетание обнаруживает поэзия Николая Рубцова.

Лирика Николая Рубцова рождена на нашей древней северной земле, в русской деревне. Сам переживший раннее сиротство, Н. Рубцов умел чутко улавливать эти противоречия жизни, видеть, как они отражаются в сердцах человеческих. И это обеспечивало его стихам и глубину переживания, и широту исторического кругозора.

Поэт снова и снова чувствами своими и помыслами возвращается к родной деревне, вспоминая школу деревянную, «поле, холмы, облака», «избушки и деревья, словно в омут, канувшие в ночь», «пустынные стога». Николай Рубцов открыто говорит о своих привязанностях. Ивы, река, соловьи, деревянная школа – все, с чем ассоциируется понятие «родина», дорого для него само по себе, но прислушаемся и еще к одному горькому признанию поэта: «Мать моя здесь похоронена в детские годы мои...». Потому не декларацией, а поэтической истиной принимаются его слова:

С каждой избой и тучею,  
С громом, готовым упасть,  
Чувствую самую жгучую,  
Самую смертную связь.

Звезда полей, что «горит, не угасая, для всех тревожных жителей земли», – ее вспоминает поэт «в минуты потрясений», – «только там, над родственным пределом... восходит ярче и полней»... Грусть, проникающая в стихи, оправдана, некогда устойчивый мир деревни теперь, кажется, безнадежно пошатнулся, тесный городом.

Проблема очень серьезна, а в ее поэтических решениях нередки крайности, самая распространенная из которых – противопоставление города деревне. Николай Рубцов далек подобной наивности: звезда полей горит, «своим лучом приветливым касаясь всех городов, поднявшихся вдаль». Сам поэт мужал «на твердой рабочей земле», но все-таки и для него деревушка, этот забытый уголок, – «мать России целой». Простые заботы деревенского бытия предстают у него как нечто вечное. Сам он живет близостью к родным истокам, а юному земляку, что рвется из отчих краев, предвещает: «Когда ж повзрослеет в столице, посмотрит на жизнь за границей, тогда он оценит Николу, где кончил начальную школу...» («Родная деревня»).

Детали исторического прошлого мало занимают поэта – он видит былое как реально существующее. «Что-то божье в земной красоте» увидел некогда древний зодчий, и однажды из грезы – «как трава, как вода, как березы» возникло «диво-дивное в русской глуши» («Ферапонтово»).

В дальнем поселке, где с упоением внимает Рубцов сказанью старинных сосен, ему «слышен глас веков» («Сосен шум»). Живейшее волнение будит и болото, «на сотни верст усыпанное клюквой, овсянкой сказками и былью прошедших здесь крестьянских поколений» («Осенние этюды»).

Дыхание вечности слышит Н. Рубцов всюду. На древних дорогах о ней напомним то полусгнивший овин, то «хуторок с позеленевшей крышей». А что представится, когда «по холмам, как три богатыря, еще порой проскачут верховые»?.. Видения обретают реальность в приметах пейзажа, того же, что и в древности: облака над дорогой – «в пыли веков мгновенны и незримы», «по сторонам – качаются ромашки, и зной звенит во все свои звонки, и в тень зовут росистые леса»...

Отблеск вечного видел поэт в этих холодных далях с журавлями да коновязями, – и тем прекраснее они становились для него. Вечное и прекрасное сочетает Николай Рубцов в пленительности неповторимого образа родины: вечна красота отчизны и прекрасен дух народа, вынесенный из всех потрясений его тысячелетней истории.

Широко по Руси предназначенный срок увяданья  
Возвращают они, как сказание древних страниц.  
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье

И высокий полет этих гордых прославленных птиц.  
Широко на Руси машут птицам согласные руки.  
И забытость болот, и утраты знобящих полей –  
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,  
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...

«Журавли» в медлительности плавной торжественной музыки – как захватывающая оратория, печальная и светлая. А вот романтическая сказка, безудержная в фантазии, мощная по напряженности духовной жажды, бьющейся в ней, – «Я буду скакать...»

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться  
В дугах, словно ангел, под куполом синих небес!  
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,  
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!  
Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,  
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,  
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...  
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Не в прошлом, а в вечном идеал прекрасного Николая Рубцова. Утверждая прекрасное и вечное, на котором складывается нравственный мир личности, поэзия Николая Рубцова служит будущему.

\*\*\*

Безвременно ушел из жизни самобытный русский поэт Николай Рубцов, и горестно вспоминаются слова Д. Веневитинова: «Как знал он жизнь! Как мало жил!» Трудную, исключительно напряженную жизнь прожил он. Сжигаемый поэтической страстью, которая владела им безраздельно, в обыденности был Рубцов человеком неуютным. Незнакомым мог показаться резким и грубым, а не встречая с их стороны взаимопонимания – усугублял это впечатление о себе.

Впрочем, меньше всего заботился Н. Рубцов о том, какое впечатление производит на окружающих. Он служил им проникновенным стихом честно и преданно – до конца, хотя и не все это понимали.

Глупец кричит: «Куда, куда?  
Дорога здесь!» – но ты не слышишь,  
Идешь, куда тебя влекут  
Мечты невольные. Твой труд  
Тебе награда...-

необходимость для любого поэта и воля его быть самим собой выражена А. С. Пушкиным с предельной ясностью. Власть этой

воли и необходимости Н. Рубцов чувствовал по себе. И потому его поэзия нужна людям, он доставит им еще немало мгновений приобщения к вечному и прекрасному, не менее чем хлеб необходимому в наши дни.

**«Степень родства», 1977**

